

Трансакционная теория стоимости: переопределение понятия трансакции

Остарков Н.А.

В статье предлагается пересмотреть определение трансакции (сводимое к трансакционным издержкам) как базового понятия институциональной теории экономики. Прежде всего необходимо провести содержательное различие между трудовым процессом – деятельностью, направленной на преобразование вещей и трансакционным взаимодействием, направленным на «преобразование» отношений, позиций, установлением норм и правил взаимодействия. Тем самым становится возможным определить трансакцию, содержательно как согласованное взаимодействие субъектов, не прибегая к понятию издержек. Трансакция обладает своей формой «опредмечивания», отличной от вещной формы стоимости (товар) – это процессуальная рутинизация трансакционных практик, регламентация и алгоритмизация содержательного взаимодействия. Отсюда – дуальность, присущая трансакции: содержательное измерение и формальное (нормы, алгоритмы, правила).

Современная экономическая цепочка выстраивается как сложноорганизованное переплетение собственно производственного и трансакционного взаимодействия. Но «выделенность» определенных стадий построения производственной цепочки в обособленные воспроизводящиеся процессы (проектирование, заключение контрактов, логистика, взаимодействие с государством и банком, выплата налогов и т.п.) и наличие собственной логики развития этих автономных практик, позволяет рассматривать трансакционную сферу как относительно самостоятельную область анализа не только применительно к экономике платформ, но и к исследованиям экономики отраслевого и странового уровня.

для цитирования

Остарков Н.А. Трансакционная теория стоимости: переопределение понятия трансакции // Дискуссия. – 2025. – Вып. 136. – С. 19–30.

ГОСТ 7.1-2003

ключевые слова

Трансакция, трансакционные издержки, экономика трансакций.

Transactional theory of value: redefining the concept of transaction

Ostarkov N.A.

The article proposes to revise the definition of transaction (reduced to transaction costs) as a basic concept of the institutional theory of economics. First of all, it is necessary to make a meaningful distinction between the labor process – an activity aimed at transforming things and transactional interaction aimed at “transforming” relationships, positions, and establishing norms and rules of interaction. Thus, it becomes possible to define a transaction meaningfully as a coordinated interaction of subjects, without resorting to the concept of costs. A transaction has its own form of “objectification”, which differs from the material form of value (commodity) – it is a procedural routine of transactional practices, regulation and algorithmization of meaningful interaction. Hence the duality inherent in a transaction: a meaningful dimension and a formal one (norms, algorithms, rules).

The modern economic chain is built as a complex interweaving of production and transactional interaction proper. But the “isolation” of certain stages of building a production chain into separate reproducible processes (design, contracting, logistics, interaction with the state and the bank, payment of taxes, etc.) and the presence of its own logic for the development of these autonomous practices, allows us to consider the transaction sphere as a relatively independent area of analysis not only in relation to the economics of platforms, but also to economic research at the sectoral and country level.

FOR CITATION

Ostarkov N.A. Transactional theory of value: redefining the concept of transaction. *Diskussiya [Discussion]*, 136, 19–30.

APA

KEYWORDS

Transaction, transaction costs, transaction economics.

Бурное развитие трансакционной сферы – социальные платформы, торговые площадки, сервисные платформы коллективного пользования, развитие целого спектра информационных систем как самостоятельного направления технологического развития, оказывающего определяющее влияние на все сферы деятельности современного человека. Многочисленные исследования теоретиков в области управления, корпоративного «строительства» и развития некорпоративных способов организации бизнес-партнерств и альянсов показывают, что в области взаимодействия экономических субъектов происходят революционные процессы. Добавим еще к перечисленному вопрос

о развитии платежных систем межстратового уровня (БРИКС) в условиях санкционных войн и наметившейся возможности фрагментации глобальной финансовой системы. Напрашивается постановка задачи анализа сферы, которую можно предварительно обозначить как сферу трансакционного взаимодействия, понимая ее в самом широком смысле как экономическое пространство, формирующееся при участии различных институтов (государственных и/или частных), организованное как взаимодействие. Оговоримся, что прежде всего наше внимание привлекает именно экономически-ориентированное взаимодействие: процессы обучения, игровые формы,

искусство, взаимодействие в форме конфликтов различной интенсивности останется за рамками нашего интереса. Нас прежде всего интересует трансакционное взаимодействие в экономической сфере. Определим в самых общих чертах, что это экономическое (и связанное с ним юридическое) взаимодействие, – это трансакции экономических субъектов, организованные в цепочки, сценарные процессы, устойчивые системы (институты). Сфера взаимодействия может выступать в качестве самостоятельной области исследования (в развитой форме – институционально-организованное поведение экономических субъектов) или расширительно – с учетом влияния трансакционных процессов на традиционно понимаемое экономическое пространство производственных отношений. Очевидно (и это находит свое отражение в научном анализе), что цепочка современного длительного цикла производственного процесса опирается на процессы взаимодействия трансакционного типа: это касается прежде всего проектной стадии (проектирование двигателей для судов и самолетов, например, согласование проекта застройки большой территории, геологоразведка и предварительное освоение месторождений), но и не только – обеспечение идентичности юридического лица и поддержание комплекса контрактов с сетями, владельцами ресурсов, депозитариями регистрирующими органами и т.п., взаимодействие с налоговой системой, взаимодействие с банком, с поставщиками и естественными монополистами – все это звенья цепочки по сути своей трансакционные. И это мы еще не затронули кардинальные вопросы вторжения государства в построение финансовой модели бизнеса – меры поддержки, антимонопольное законодательства. Добавим еще и такие институциональные образования как сложноорганизованная система государственного заказа и бюджетное финансирование определенных направлений экономики – все это процессы, явно организованные не по лекалам производственной матрицы. Но, пожалуй, самая трансакционно-насыщенная сфера экономики – это сфера платежных систем, денежных транзакций. Здесь явно господствует логика трансакционных процессов.

Сформулируем следующий проблемный вопрос об устойчивости (в свете давления логики трансакций) логики прибыльно-ориентированных производственных (а это не только собственно производство, но и процессы редуцированные к модели производственного типа): речь идет всего лишь о деформации и дальнейшем развитии

капиталистической системы, или уже произошла трансформация ее в форматы развития трансакционных систем, «работающих» на получение добавленной стоимости иного типа?

Казалось бы, проникновение трансакционных процессов во все сферы жизнедеятельности современного человека должно найти соответствующее отражение и в теоретических построениях экономистов. Грубо говоря, современный учебник по экономике должен выглядеть преимущественно как **учебник по трансакционной (институциональной) экономике**, рассматривающий не-трансакционное в экономике как уходящую в прошлое натуру, нишевый уклад (далее мы опровергнем это упрощение и раскроем сложность пересечения трансакционного и производственного в условиях трансакционной формации). Но в настоящее время в экономической науке трансакционное взаимодействие не только не опознано в качестве доминанты, но скорее, наоборот, представлено как дополнительное по отношению к процессам более «фундаментальным» – это нечто вторичное к производству (товаров, продукции, строительству сложных объектов, предоставлению услуг) в широком смысле. При этом очевидно, что трансакционное взаимодействие, о котором пойдет речь, настолько необходимо в условиях современной экономики, что постановка его на паузу практически сразу остановит не только сферу трансакций, но и базисные производственные процессы.

Итак, под давлением актуальности решения задачи формирования валюты нового типа и при осознании факта слабого теоретического отражения проблематики трансакционной сферы в экономике – вырисовывается необходимость отдельного анализа сферы трансакционного взаимодействия, трансакционных издержек, влияния трансакционного содержания на формирование не только вспомогательных сфер экономики, но и на ее сердцевину – производственные процессы. Возможно, что денежная система, ответившая на эволюцию товарного обмена и динамику общественного разделения труда (не исключая возможность обратного процесса детерминации), может быть, переоткрыта в современном формате как ответ на доминирование трансакционных форм экономической деятельности человека в условиях формирования новой цифровой формации.

ПОНЯТИЕ ТРАНСАКЦИИ И ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК

Прежде всего необходимо предпринять ряд теоретических шагов, по сути, терминологиче-

ского характера: нам придется переосмыслить понятие трансакции и трансакционных издержек.

В рамках институционального подхода к экономике понятие трансакции связывают с различными видами экономического взаимодействия: операции обмена, сделки, переговоры, платежные трансакции и т.п. Сфера экономики предстает как многообразие трансакций, трудно поддающихся типологизации и постоянно расширяющих свою номенклатуру. Как правило само понятие трансакции вводится как элементарная форма, единица анализа в рамках построения теории трансакционных издержек.

Трансакция в экономической теории играет роль служебно-вспомогательного понятия для введения трансакционных издержек: трансакция – простейшая форма или элементарный акт экономического взаимодействия, базовая единица анализа в теории трансакционных издержек.

При таком подходе уже практически на первом шаге анализа происходит отказ от содержательного рассмотрения экономического взаимодействия. Взаимодействие далее предстаёт в количественной форме: трансакции – это трансакционные издержки. Данный срез исследования вполне оправдан теоретически и получил свое развитие в качестве дополнительного к анализу основному – т. е. к анализу рыночных процессов и цепочек формирования стоимости. Рынок, производство плюс трансакционные издержки дают в комплексе элементарные основания для построения целостной картины экономической реальности в рамках современной парадигмы.

Остановимся на понятии трансакционных издержек, которое является по сути базовым для построения институциональной экономической теории.

Здесь важно в рефлексивном ракурсе зафиксировать наличие логического перехода от содержательного аспекта многообразных форм трансакционного взаимодействия к абстрактно-количественному пониманию трансакции. Дело в том, что в гносеологическом плане подход к анализу трансакций как издержек (количественная определенность) возможен при условии отвлечения от содержательного, качественного аспекта взаимодействия. При этом происходит отрицание качественных характеристик (содержательной стороны процесса) и взаимодействие предстает в абстрактно-количественной определенности. Фиксация этого шага и теоретическое осмысление этого перехода на практике при построении целостной институциональной теории пропу-

скается. Как правило, транзакционный подход в экономике сразу же начинается с категории трансакционных издержек.

Но при отвлечении от качественной определенности исследуемого явления новая определенность (издержки) и далее отталкивающиеся от нее теоретические построения приводят к тому, что в трансакционные издержки невольно зачисляются явления, полученные через отрицание качественной определенности любых деятельностных процессов. Прежде всего это касается трудовой деятельности. Провести различие между количественными характеристиками деятельности трансакционного типа и трудового процесса далее уже не представляется возможным. Методологически ситуацию пытаются исправить (и это в какой-то мере удается) через проведение классификации трансакционных издержек: необходимость определить тот или иной тип издержек позволяет ввести в общую «конструкцию» типологизуемых трансакционных издержек качественные характеристики задним числом. Типология дает возможность сохранить содержательное измерение трансакции в своей полноте путем перечисления всех возможных видов трансакций.

Не отрицая необходимость фиксации определенности трансакции как трансакционных издержек на начальных этапах построения теории, предлагаем прежде всего остановится и найти определение трансакции в ее содержательной форме, не абстрагируясь от ее качественной определенности, т.е. ввести понятие трансакции в ее содержательной форме (предполагая ее само-значимость для построения экономических практик) и провести разграничение между стоимостными формами предметного типа (товарами) и трансакционного, понимаемыми как результаты взаимодействия особого рода, отличающиеся от трудовой деятельности.

Необходимо сделать одно важное уточнение в определение стоимостной предметности экономической теории, при введении начальной категории – товара. Потребительная стоимость имеет свои параметры и определенность, которая связана с таким важнейшим свойством товара как способностью сохраняться в устойчивом состоянии в течение определенного периода времени. Потребительная ценность – это ценность, которая уже прошла важнейший исторический этап своего развития – способность к сохранению своего качества, только при этом условии возможна транспортировка и хранение (и наоборот).

Можно ли зафиксировать у трансакции (взаимодействия экономических субъектов) столь же абстрактное «свойство», за пределами которого она распадается? Это «свойство» должно удовлетворять условию самоопределенности, т.е. определенности, полагаемой вне сведения трансакции к издержкам или к контексту потребительной стоимости и к процессу трудовой деятельности. Таким атрибутом трансакции является согласованный характер взаимодействия. Согласие и согласованность деятельности – наиболее абстрактное условие трансакционного взаимодействия. Наличие согласованности – это устойчивость (воспроизводимость взаимодействия), позволяющая сделать первый шаг к теоретическому анализу взаимодействия: трансакция есть постольку, поскольку осуществляется как согласованное взаимодействие, и утрата или недостижение согласованности ведет к распаду взаимодействия.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТРАНСАКЦИИ ЧЕРЕЗ РАЗЛИЧИЕ С ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

По нашему мнению, общая теория стоимости и построение целостной экономической науки возможна только при условии объединения двух подходов к стоимости в рамках единого методологического направления, опирающегося на взаимодополнение теоретического подхода, развиваемого в логике разделения труда и в теории, направленной на анализ логике институционализации трансакций. Иначе говоря, это два ракурса стоимости: предметная (вещная) стоимость в рамках традиционного промышленного производства и стоимость, определяемая в терминах трансакционных издержек в рамках институциональной парадигмы.

На начальном этапе наших рассуждений оставляя за скобками построения общей теории стоимости ограничимся анализом трансакционного измерения стоимости в его редуцированной форме – это трансакционные издержки, «встроенные» в логику производственных цепочек, цепочек разделения труда и формирования добавленной стоимости в системе прибыльно (или как минимум рентабельного) ориентированного производственного процесса, финансируемого с использованием финансовых технологий (кредиты, инвестиции, государственный заказ). Так работает система редуцирования трансакционного содержания при доминировании капиталистических отношений, в системе координат: человек – его орудия труда – предмет обработки.

Но в условиях современного развития постиндустриальных технологий, социальных платформ,

цифровых валют, относительной самостоятельности глобальной логистики и т.п., логика трансакций освобождается от влияния производственной семантики и обретает потенциально свое собственное гносеологическое измерение. Это уже оформленное наше наше и развертывающееся на наших глазах будущее состояние экономической системы, которое необходимо учитывать для построения теории стоимости. В рамках контура производственной цепочки прибыльно-ориентированного производства и даже при анализе инвестиционных процессов, опирающихся на логику движения финансового капитала, сведение трансакционного к капиталистической модели экономики теоретически допустимо. В принципе, даже система государственного госзаказа, по сути своей являющаяся системой рентного типа, при всем ее сложно-организованном законодательстве – тендерные процедуры, согласование и формирование бюджета и т.п. – может рассматриваться как квазикапиталистическая (квазирыночная) модель, т.е. трансакционные измерение можно редуцировать к прибыльно-ориентированному типу формирования добавленной стоимости. Но есть пределы этой редукции. С определенного момента экономического развития логика трансакционного взаимодействия не просто сопротивляется логике капитала, искажая «нормальный» капитализм, но и обретая системные качества, начинает оказывать решающее влияние на весь экономический контур отношений.

Сформулируем начальное положение нашего подхода: есть различие трансакции (взятой при отрицании содержательной стороны процесса) и различных видов деятельности, направленных на преобразование объекта, – предмета трудовой деятельности. Абстракция от предметно ориентированной деятельности имеет иную природу в сравнении с абстракцией (и нам еще предстоит понять – что это за «абстракция») трансакционного типа. Иначе говоря, преобразование предметности (в процессе определенного вида предметной деятельности) отличается от трансформации социальной структуры, социального «пространства». Но эта трансформация, происходящая вне орудийно-предметного контура столь же реальна, как и результирующие материально-преобразовательные процессы производственной деятельности.

Простейшей формой непредметного результата трансакционного взаимодействия является достижение уровня устойчивости его воспроизведения на базе формализации трансакций, развития алгоритмизации взаимодействия с исполь-

зованием институтов и современных цифровых технологий. Результат служит опорной конструкцией для дальнейшей работы трансакционной «машины». В развитом виде устойчивые формы трансакционного взаимодействия – это различные институциональные образования, обладающие высоким уровнем организационной структуры, наличием регламентов и способностью задействовать административные ресурсы. Институты позволяют тиражировать, воспроизводить в упорядоченной форме трансакции, трансакционное взаимодействие.

Итак, зафиксируем, что непредметно-ориентированное взаимодействие тем не менее обладает своей «предметностью» (содержанием) и одновременно определенными количественными параметрами. Уточним, что количественное изменение трансакций отличается (именно своей бессодержательностью) от понятия трансакционных издержек. Это уже не трансакционные издержки, которые в настоящее время фактически выполняют роль качественно-определенного критерия, позволяющего ввести самое понятие экономической трансакции в теоретических построениях институционалистской парадигмы, определить его основное содержание. Еще раз уточним, что трансакционные издержки, в том виде как сейчас используется это понятие, – это фактически «наличное бытие» (Г. Гегель) трансакций, т.е. как бы качественная определенность, позволившая в свое время зафиксировать новую предметную область для экономической теории. Будучи введенной как сфера нерыночного пространства трансакционная предметность сейчас уже получила прописку в современной экономической науке, но при этом не надо забывать, что предметная область зафиксирована не качественно, а именно как издержки – это многообразие трансакционных издержек. По сути, количественное определение задает предметную область (наличное бытие) трансакционной теории. Содержательная сторона трансакционного взаимодействия получает свою определенность через скачок к количественным формам в рамках ограничения содержания (строго говоря, в рамках качества).

Мы указали на необходимость проведения границы между предметно-ориентированной деятельностью и непредметным взаимодействием (транзакционным), – это первый шаг на пути движения к содержательному определению трансакций. В чем заключается эта определенность? Рассмотрим простейшую трансакционную «задачу» – достижение согласия в процессе

взаимодействия. В классической работе Г. Гегеля «Философия права», посвященной анализу правовых отношений, формирующихся в процессе взаимодействия субъектов, обладающих свободой воли феномену согласование посвящен раздел озаглавленный как «Договор» [1, с. 128]. Суть договора – достижение согласия (например, собственников). Обратите внимание: взаимодействие здесь получает свою определенность вне контекста трансакционных затрат следующим образом: необходимость согласования диктуется переходом от индивидуального отношения с вещью в процессе потребления или простейших форм отношения таких как отчуждение вещи, к отношению взаимодействия нескольких субъектов. Простейший вид собственности (по Г. Гегелю) – это обладание вещью посредством субъективной воли отдельного человека (например, потребление). А принципиально новый уровень (трансакционный) – это обладание собственностью при условии наличия других воли.

По сути своей согласованное взаимодействие – это проведение границы (не связанный коннотациями с вещью, предметностью) различия между согласованным, допустимым и полем сценариев, форм поведения, временных параметров процесса, которые зафиксированы в Договоре как недопустимые. У Гегеля недопустимое определяется как неправовое (*Unrecht* – термин буквально переводится на русский как «неправо») [1, с. 137]. В узком смысле – это несогласованное, оставшееся вне форматов, параметров, алгоритмов сценариев, фиксируемое в сопоставлении с допустимыми и согласованными условиями взаимодействия.

На базе полагания этой границы (допустимое, согласованное – недопустимое, неправовое) и формируется содержательное измерение трансакции. Напомним, что мы получили его вне производственной деятельности. Трансакция, несущая в себе согласование, содержательно является полаганием согласованных границ, регламентаций, правил и одновременно установлением санкций при их нарушении и т.п. Если есть содержательная данность трансакции, есть принцип полагания ее границы в ней самой (как границы согласованного-несогласованного), то тем самым получена простейшая форма трансакции, с которой начинает свое движение теоретический подход. У науки (институциональная экономика) появился свой предмет исследования. В развитой форме трансакционное взаимодействие в его согласованных формах балансирует на грани, за которой перед нами открывается зона несогласованных

«взаимодействий» и практик человеческой деятельности, разворачивающаяся в спектр: от неправовых, преступных (с точки зрения права) действий, санкционных войн, захватов (территорий, корпораций, рынков и т. п.) до жестких форм неправового взаимодействия – ведения военных действий. Странно, что теоретическая экономика проходит мимо этой сферы «неправового», которая только и позволяет сформироваться согласованным практикам взаимодействия в устойчивые институционализированные формы. Вне этих форм за этой гранью – распад трансакционного взаимодействия и иные формы человеческой деятельности, здесь оформилась оппозиция: трансакционное и контр-трансакционное. Контр-трансакционное в нашем анализе остается за рамками собственно экономического исследования, но при этом необходимо помнить, что вне фиксации этой оппозиции трансакционное теряет свою определенность.

И только теперь появляется возможность (через отрицание содержательной определённости трансакции как таковой) перейти к ее абстрактной форме. Чтобы получить уровень предельной абстракции мы должны свести на нет содержательное измерение трансакции как таковой и получить элементарную форму, «нулевую степень» взаимодействия, – это и будет абстрактное понятие трансакции. Гегель разбирает эту ситуацию (перехода от качества к безразличию, от содержательных аспектов вещи к их нивелированию) как переход к понятию ценности. Но этот переход от потребительских свойств вещи к ее ценности можно распространить и на переход от многообразных содержательных форм взаимодействия субъектов к ценности взаимодействия как такового и далее к закреплению в культурных, институциональных форматах значимости для эволюции общества. Это означает, что в процессе взаимодействия транслируется не только содержание взаимодействия, но и целый спектр параметров ответственных за воспроизводимость этого взаимодействия и взаимодействия как такового (рутинизация, формализация, алгоритмизация). Так конституируется его значимость для культуры, экономики, общества.

В результате, наконец то, становится допустимой редукция трансакции к издержкам и далее анализ трансакций различного вида в форме простейших видов издержек (временных затрат), их сравнение, объединение в единое понятие и т. п. Отсюда самое простейшее обоснование ценности трансакций, открывающееся как метод

снижения трансакционных издержек в рамках производственной экономической парадигмы.

Таким образом, подлинный количественный аспект трансакции должен быть получен как результат абстрагирования от многообразия содержательных форм взаимодействия (количество здесь понимается в гегелевском смысле как отрицание качественной определенности). Безотносительность к различным видам трансакционного взаимодействия, к содержательной стороне этого взаимодействия позволяет ввести понятие трансакции вообще, абстрактной трансакции. Сам Гегель рассматривает этот переход иначе, но подробное описание его подхода потребует слишком обширного отступления.

Здесь допустимо проведение аналогии (исключительно для понимания) между абстрактной трансакцией и абстрактным видом труда. Трансакция прежде всего – это не затраты, а элементарный объект, «единица» описания функционирующей структуры взаимодействия в экономике, элементарная клеточка институциональной предметности. Подобно тому как в основании трудовой теории стоимости лежит абстракция труда – в институциональной теории ее атомарной формой является абстракция трансакции. Далее мы раскроем специфику абстрагирования в трансакционной сфере – редуцирование. Кратко пока отметим, что в отличие от абстрагирования в сфере вещно-ориентированной деятельности, редукция – это процесс формализации, упрощения (отсечение излишней уникальности и вариативности) деятельностиных процессов. Сведение взаимодействия к нормативному образцу, модели, шаблону, построенному на базе трансакций. В перспективе редуцированная трансакция – это возможность конструирования ее элементарных форм – транЗакций, команд и алгоритмов.

Продолжая аналогию, трансакция, взятая в такой простейшей своей форме, так же, как и абстрактный труд измеряется временем, которое необходимо затратить на ее совершение. Что характеризует собой переход к количественной определенности? Сделка, передача полномочий, подготовка решения, согласование позиций, согласование плана работ – все эти процессы можно «расположить» в определенном временном диапазоне, если есть возможность зафиксировать конечную точку цепочки трансакций. Трансакции, взятые в своем элементарном исполнении конечно во времени, отвлекаясь от содержания деятельности, тем не менее всегда есть способ зафиксировать момент завершения и начала. Есть

еще один очевидный количественный параметр – число участников взаимодействия (в простейших формах трансакции этот параметр легко определяется). Кроме того, опираясь на временную определенность мы можем увязать ее с затратами по времени участников трансакции. Их временные затраты (время участия во взаимодействии) формируют общую временную емкость трансакции. Легче это прояснить на примере заключения сделки. Помимо содержательной стороны в экономической сфере мы должны учитывать временные затраты в привязке к процессу организации и совершения сделки (согласование параметров сделки, заключение контракта, подписания акта и т. п.). Такая абстракция совершенно правомерна и диктуется познавательными и практическими целями экономической теории.

Онтологическим подтверждением этой определенности, полученной на базе отрицания содержательного аспекта взаимодействия, как раз является способность оперировать таким понятием как трансакционные издержки: фактически введение понятия трансакционных издержек означает, что содержательно различные процессы взаимодействия оцениваются безотносительно к содержательной их форме, т.е. на уровне предельного отрицания содержания – «количественно» (заключение в кавычки данного понятия призвано подчеркнуть его категориальное содержание, формально-логический аспект, который лучше всего передается в рамках Гегелевской «Науки логики», в отличие от значения слова обычного языка). Но тогда необходимо до всяких трансакционных издержек зафиксировать качественный характер, содержательный аспект трансакции. Чем трансакция содержательно отличается в ряду других видов человеческой деятельности? Учитывая экономический ракурс постановки данного вопроса (мы находимся в рамках экономического дискурса) мы предлагаем переопределение трансакции в ее различии с трудовой деятельностью.

ВВЕДЕНИЕ ПОНЯТИЯ ТРАНСАКЦИОННОГО АСПЕКТА СТОИМОСТИ И ВОЗМОЖНОСТЬ ПОСТРОЕНИЯ ТРАНСАКЦИОННОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ

Почему так важно до обращения к видам трансакций (производных от видов трансакционных издержек) ввести понятие трансакции в его отличии с трудовым процессом и далее указать на внутреннее различие присущее самой трансакции – различие позитивного аспекта (согласия) и отрицания – недопустимого (норма-ненорма)

при анализе взаимодействии? Если не ввести понимание содержательного различия трансакции и трудовой деятельности, то трансакционные издержки превращаются в понятие кентавр, которое объединяет качественно-определенные характеристики трансакций и количественное их измерение: понятие трансакционных издержек сразу же начинает далее разрабатываться, наращивая свое содержание, через введение своего варианта классификаций – различных видов трансакционных издержек. Стого логически сравнение трансакций в модусе издержек возможно только на базе абстрагирования от содержательных различий трансакции, например путем приведения их к общему количественному знаменателю и понимания их как процесса, занимающего определенное время. Более сложным является сведение трансакций к трудозатратам участников процесса взаимодействия, которые в конечном счете также сводятся к затратам общественно необходимого рабочего времени, но теоретически это вполне оправдано. Важен следующий аспект: сложение трансакций (если это издержки) ничего не дает, кроме сложения издержек. Но трансакционная механика каким-то образом работает именно на снижение издержек, формируя при этом особый вид добавленной стоимости в форме ренты. При этом если рента – исключительно равна снижению издержек, то в строгом смысле это не добавленная стоимость, а восстановление эквивалентности. Но что, если трансакции имеют свое стоимостное измерение, не сводимое к стоимостным результатам (определяющим стоимость) в системе производительного контура? Тогда и добавленная стоимость институционального (трансакционного типа) имеет право на существование в своем отличии от добавленной стоимости в прибыльно ориентированной системе производительного (предметно-преобразовательного) контура. Фактически это означает, что наряду с добавленной стоимостью, получаемой в пространстве прибыльно-ориентированных цепочек формирования стоимости, возможно существование добавленной стоимости иного типа. Положение о двух типах цепочек означает необходимость пересмотра большого круга проблем, связанных с представлением не только о цепочках формирования стоимости. Под вопрос ставятся эконометрика эффективности. Необходимо помимо редукционистских подходов анализа трансакционного измерения экономики (что означает подгонку логики трансакционных цепочек к иной модели, встраивание ее в семиотику производи-

тельного типа) найти параметры оценки эффективности в рамках логики формирования стоимости трансакционного типа. Институализированные формы трансакций способны порождать свои собственные эффекты, которые могут экранироваться прибыльно-ориентированным дискурсом. Простейший пример – интерпретация мер поддержки как снижения трансакционных издержек в системе конкурентных отношений, обосновываемых необходимостью поддержки национального (или малого) предпринимателя. Иной подход – выявление стоимостных эффектов, порождаемых теми же мерами поддержки и анализ бенефициаров ренты, которые могут быть структурированы самым различным образом. Рента может распространяться на множество участников «экосистемы» (разработчики программного обеспечения в рамках определенной операционной системы) или, наоборот, сконцентрирована у одного бенефициара (поисковая система, извлекающая массу полезной информации из анализа поисковой активности). В этом примере важно рассмотреть наличие логики распределения ренты, что означает возможность построения устойчивой цепочки взаимодействия, сформированной в контуре этих распределительных отношений. Оставим для дальнейшего рассмотрения вопрос о способности трансакционных систем не просто распределять, но и генерировать добавленную стоимость особого трансакционного типа, – позволим себе забегая далеко вперед введение этого понятия, которое еще предстоит раскрыть (например, в русле парадигматики рентно-ориентированного способа производства). И еще раз подчеркнем, в логике количественного анализа трансакций как издержек трансакционного типа выйти на понимание особого типа добавленной стоимости невозможно. Повышение эффективности здесь рассматривается исключительно в логике построении цепочек в системе разделения труда как прибыльно-ориентированной производительной деятельности (Капитал).

Эти рассуждения могут показаться излишним теоретизированием, но применительно к построению современных трансакционных платформ они позволяют зафиксировать важнейшую проблему, которую необходимо учитывать при построении платформ и институтов, – проблема формирования различных видов ренты и создание условий для генерации высшей ее формы – сенюоража. В конечном счете вопрос о стоимостных эффектах, порождаемых трансакционным взаимодействием, – это вопрос о распределении этой ренты. И, если данный

вопрос почему-то не стоит при анализе существующих институциональных форм, опирающихся на «капитализацию» трансакционного взаимодействия, то в конечном счете, получатели рентных эффектов остаются не опознанными. Помимо гносеологического ракурса проблема получателя ренты имеет значение с точки зрения грамотного (справедливого) построения трансакционной платформы на стадии ее проектирования, не заявленные рентные эффекты могут порождать неправильные ожидания у будущих участников системы.

Существенным недостатком полагания трансакционных издержек в качестве базового понятия и оперирования далее различными видами издержек при развитии теоретических представлений является наделение их фактическими субъектными функциями. Вне определения качественно-содержательных характеристик трансакционного взаимодействия (при количественном подходе к ним) реальные агенты экономической деятельности уже потеряны для теории. Трансакционные издержки придется понимать как самодеятельные образования, обладающие сознанием. Не случайно Гегель вынужден начинать свою философию права, полагая на элементарном, предельном уровне абстракции в качестве начальной категории развития понятий права единичную волю субъекта (но не издержки!). Маркс, напоминаю, подчеркивал, что результатом капиталистической системы производительной деятельности с ее разрушительной логикой общественного разделения труда является сам человек, субъект здесь еще не потерян – это человек определенного типа, функция от определенной системы общественного разделения труда. Как не потерять наблюдая за работой трансакционных машин-институтов способность различать программы, «работающие» над форматированием самого человека? Этот вопрос необходимо удерживать в поле зрения, так как человек, выведенный в ретортах системы разделения труда, – уходящая в прошлое натура. Форматирование нового человека в системе координат трансакционного взаимодействия происходит на наших глазах. Не случайно человек матрицы стал предметом исследования современного искусства.

В контексте данных рассуждений напрашивается проведение аналогии с двойственным характером труда, являющихся фундаментальным концептом для категориальной системы «Капитала» К. Маркса: трансакция двойственна, но это не дуальность потребительной стоимости (качественно-определенного труда) и меновой

стоимости (абстрактного труда), а дуальность содержательно-определенного взаимодействия, направленного на достижения конкретного результата и формального (когда содержание редуцировано до предела и сводится к простейшей форме согласованной деятельности) аспекта взаимодействия. Трансакция в этом своем абстрактном измерении также имеет свое специфическое «опредмечивание», проявляющееся в возможности воспроизведения, опирающегося на рутинизацию и алгоритмизацию (а сегодня и оцифровку) вариативного многообразия трансакций вплоть до построения платформ трансакций (платежные и торговые системы), формализации логистики, развития смарт-контрактов и более простых видов формализации – нормативы, инструкции, планирование и, конечно же, ERP системы. Предполагается, что многообразие форм взаимодействия, разворачивающихся как стихийный процесс сопровождаются конструктивно создаваемыми элементарными взаимодействиями и даже отдельными актами, которые могут воспроизводится и оттачиваться (рационализироваться) в процессе практики. Приведем здесь следующий пример. В самом взаимодействии не обязательно должен возникнуть такой «элемент» как завершение взаимодействия (в целом или на определенной стадии). Так вот «привычка» фиксировать завершение процесса (что предполагает условный запрет на возвращение к тому, как он происходил, – зафиксировали, что процесс взаимодействия завершен, и претензий друг к другу стороны не имеют. Знак, обеспечивающий передачу ценностей (вексель, расписка), – один из элементов формализации процесса взаимодействия, его структурирования, надстройка второго уровня, которая в дальнейшем начинает воспроизводится наряду с содержательным процессом. И деньги должны обладать этим качеством – обеспечить фиксацию завершения, обладать трансакционностью. Взаимодействие воспроизводит как содержательное измерение, так и свою надстройку, понятую как ценностно-значимое, рационально-необходимое дополнительное содержание. При этом характеристика процесса в терминах понимания здесь очень условная: это воспроизведение в культуре может происходить поверх рефлексивного отражения этих процессов отдельными участниками взаимодействия. Отметим, что взаимодействию, которое складывается в систему трансакций, внутренне присуща идеализация, сам образ, отличный от идеальных конструкций трудовой деятельности. Подчеркивая

объективный характер процесса идеализации, можно сказать, что мы имеем дело с системой воспроизведения, обладающей своей «предметностью», складывающейся независимо от актов осознанного отбора рациональных практик в каждом отдельном случае. Что, помимо прочего, означает дистантность трансакций по отношению к тождественным и однородным условиям взаимодействия, они, словно бы, «обязаны» (точнее, участники должны исходить из этой максимы) осуществляться по правилам в различных условиях деловых отношений независимо от культурных особенностей страны, статуса участников.

Наличие этой особой предметности (опиравшейся на алгоритмизацию взаимодействия) позволяет ввести понятие стоимостного измерения трансакции. Понеся, что такое введение понятия более корректно в сравнении с «протаскиванием» в статусе наличного бытия трансакции ее количественной формы – трансакционных издержек и фиксация стоимости как издержек. Хотя в рамках современного экономического дискурса это понятие-симулякр выполняет позитивную функцию, позволяя очертить предметную область институциональной теории.

На практике трансакционное взаимодействие как стоимость опредмечивается в современной форме нематериального актива. Более сложные трансакционные «построения» – институты, административные ресурсы трансакций, накопленная информация могут быть поняты в этом ключе не просто как «машины» по снижению издержек, но как институциональные формы, генерирующие свое содержание стоимости, опирающееся на достигнутые формы согласования трансакционного взаимодействия, которые далее должны быть раскрыты как «капитализированные» нематериальные активы, а с точки зрения добавленной стоимости – как рента.

Таким образом не апеллируя к трансакционным издержкам на начальном этапе нашего анализа, мы определили, что трансакция двойственна – содержательно определена, и ориентирована на достижение определенного результата и одновременно, если отвлечься от содержательного аспекта, она представляет собой чистое взаимодействие, которое (перефразируя К. Маркса) не содержит ни атома содержательной определенности, а представляет собой количественный срез взаимодействия, в частности, именно поэтому ее содержание может быть редуцировано к трансакционным издержкам. В процессе развития трансакция совершает по-

стоянный переход от содержания к алгоритмам (формализованным трансакциям) и дальнейшему усложнению содержания на базе полученных формализованной «предметности» и обретению нового набора алгоритмов, который обеспечит дальнейшие возможности по освоению нового содержательного взаимодействия. Поэтому представление о бинарности структуры трансакции – не просто абстрактно-теоретическое построение, позволяющее достичь большей логической строгости, а методологический концепт, необходимый для понимания процесса развертки трансакции как в рамках действующего процесса взаимодействия, так и с точки зрения воспроизведения трансакционного взаимодействия как структурации его во времени и его обращения к анализу его дальнейшего развития.

Наметим возможное направление построения единой теории экономики, которое может быть достигнуто через преодоление параллельности двух цепочек формирования стоимости – производительной и трансакционной.

ВЫВОДЫ

1. В заключении еще раз уточним нашу позицию. Необходимо прежде всего ввести содержательное различие между трудовым процессом – деятельностью, направленной на преобразование вещей, и трансакционным взаимодействием, направленным на «преобразование» отношений, позиций, норм и правил взаимодействия. Тем самым становится возможным определить трансакцию, содержательно как согласованное-несогласованное взаимодействие субъектов, не прибегая к понятию издержек. И на втором шаге, опираясь на концепт двойственного характера трансакции (конечно-содержательное vs формально-абстрактное), вводить понятие стоимостного (ценностно-значимого) измерения трансакции, и лишь затем приступать к выявлению трансакционных издержек. При этом необходимо учитывать, что реальная экономическая практика выстраивается как сложноорганизованное переплетение собственно производственного и трансакционного взаимодействия. Но «выделенность» определенных стадий построения производственной цепочки в обособленные воспроизводящиеся процессы взаимодействия (проектирование, заключение контрактов, логистика, взаимодействие с государством, банко, выплата налогов) и наличие собственной логики развития этих автономных практик, позволяет рассматривать трансакционную сферу как относительно самостоятельную область анализа.

2. Напомним, что основной недостаток институциональной теории – развитие ее под флагом трансакционных издержек. При этом вместо трансакционной теории стоимости или теории трансакций на практике получила свое развитие по преимуществу теория трансакционных издержек.

Введение самостоятельного понятия трансакции, упреждающее представление о трансакциях как многообразии особого «вида издержек», означает фиксацию внимания на ее содержательной форме (определенности) и разграничение трансакционного взаимодействия с процессом трудовой (предметно-преобразовательной) деятельности. Классическое понятие меры стоимости, сформировавшееся в условиях оценки общественно необходимых затрат на совершение трудовой деятельности при этом дополняется процессами, лишенными явной предметно-преобразующей направленности: проектирование, планирование, взаимодействие с поставщиками, банками и т.п.

3. Приведенные выше уточнения приводят к смене методологической установки в области институциональных исследований: для того, чтобы раскрыть стоимостное измерение трансакции, ее не обязательно сводить к элементам или эпизодам трудового процесса (подгоняя ее специфику к логике производственной матрицы) и рассматривать стоимостные параметры трансакции в вещно-товарной форме, – у нее есть свое специфическое пространство воспроизводства: нематериальное по своей сути. Стоимостные качества трансакционного взаимодействия – качества второго порядка, принадлежащие системе иного уровня, выходящего за пределы конкретно-локальных форм взаимодействия. При этом отдельные трансакции (как правило, конечные стадии взаимодействия) или даже отдельная денежная транзакция могут выступать в роли аккумулятора стоимости, генератора рентного эффекта. Невидимое в звеньях цепочки процесса взаимодействия стоимостное содержание как бы присваивается конечной стадией и субъектами-участниками именно этого взаимодействия. Сложная диалектика отношения длительных трансакционных процессов и отдельных локальных стадий цепочки – должна стать предметом специального анализа систем формирования и распределения стоимостных эффектов трансакционного типа. Прежде всего это связано с вопросами применения различных типов льготных режимов в налоговой сфере, в области кредитования, распределения бюджетных средств, государственных заказов

и т.п. Каким образом рентный эффект, получаемый отдельным субъектом при льготировании (например, нулевая ставка НДС), влияет на условия деятельности остальных участников взаимодействия? – типичный вопрос о присвоении ренты.

4. В перспективе на базе трансакционной аналитики возможно развитие самостоятельного экономического дискурса в духе институциональной экономической теории, но опирающегося на принцип различия двух типов экономической деятельности, двух типов логики: логики предметно-ориентированной деятельности и трансакционной, логики разделения труда и логики развития трансакционного взаимодействия. Тем самым зафиксировать: трансакция обладает своей формой опредмечивания отличной от вещной формы стоимости (товар) – это процессуальная рутинизация трансакционных практик, регламентация и алгоритмизация взаимодействия.

Формализация содержания, выстраивание последующих практик взаимодействия на основании алгоритмизированных процессов и нового уровня формализации – дает нам основание для теоретического рассмотрения трансакционного взаимодействия вне анализа развития по лекалам логики разделения труда. Достижения в трансакционной сфере оказывают не меньшее влияние на развитие общества и экономики, чем технологические новации в производственной сфере: кристаллизация всеобщего эквивалента, формализация сделок, создание фондового рынка, переведение денежных трансакций в электронную форму, открытие фиатных валют и т.п. не менее важны, чем изобретение токарного станка или двигателя внутреннего сгорания.

5. Наличие ценностного аспекта в процессе эволюции трансакционных форм создает условия для конституирования самостоятельного

предмета экономического исследования – трансакционной формы стоимости.

6. Отвлекаясь на время от задач поддержания терминологической точности формулировок, можно наметить план дальнейшего исследования экономических процессов (включая глобальный уровень экономики) как экономики взаимодействия и кооперации и построения моделей экономики акцентуированных не в логике разделения труда, конкуренции и эскалации спроса (в глобальной экономике прибыльно-ориентированного производства), а такого типа хозяйствования, который опирается на кооперационные практики и практики достижения рентных эффектов (альтернатива прибыли), генерируемых совместно-организованными институциональными технологиями. Тем самым возможно подчинение логики конкуренции и разделения труда логике развития на базе трансакционного взаимодействия и технологий платформенного кооперации.

При таком понимании (наличие двух логик) дальнейшее построение экономической теории распадается на формирование двух относительно самостоятельных дисциплин: классическая экономика и экономика институциональная.

Первая опирается на логику разделения труда: предметно-преобразующую деятельность, вещный редукционизм и эффекты отчуждения в вещной форме, обмен товарами (а это – вещи) как система, порождающая денежный эквивалент.

Вторая опирается на логику трансакционного взаимодействия, структурированную в процессуальной форме на базе редукции содержательного взаимодействия к формальным действиям и операциям: взаимодействие опирается на воспроизводимость отдельных трансакций, алгоритмизацию действий, тиражирование трансакций. Процессуальные формы социальной деятельности.

Список литературы

1. Гегель, Г. В. Ф. Философия права. Пер. с нем. – М.: Мысль,

1990. – 524 с.

References

1. Hegel, G. W. F. Philosophy of law. Translated from German. –

М.: Thought 1990. – 524 p.

Информация об авторе

Остарков Н.А., кандидат философских наук, преподаватель Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Российская Федерация).

© Остарков Н.А., 2025.

Information about the author

Ostarkov N.A., Ph.D. in Philosophy, lecturer at Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

© Ostarkov N.A., 2025.